

DOI 10.25991/VRHGA.2023.2.2.006

УДК 1 (091)

*С. А. Ребров**

АЛЬТЮССЕРОВСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МАКИАВЕЛЛИ

Статья посвящена оригинальному осмыслению политической мысли Макиавелли со стороны крупнейшего французского философа Луи Альтюссера. Основное внимание в данном контексте уделяется материалистическому характеру прочтения текстов итальянского мыслителя, которое позволило самому Альтюссера описать Макиавелли как первооткрывателя непосредственно материалистического понимания сферы политического. В свою очередь, в тексте статьи также производится сравнительный анализ альтернативных подходов к интерпретации макиавеллистской политики, которые, несмотря на качественные различия, имеют точки пересечения.

Ключевые слова: Макиавелли, Альтюссер, материализм, случайный материализм, политическая философия, конъюнктура.

S. A. Rebrov

ALTHUSSER'S INTERPRETATION OF THE POLITICAL PHILOSOPHY OF MACHIAVELLI

The article is devoted to the original interpretation of the political thought of Machiavelli from the great french philosopher Louis Althusser. The focus of this context is paid to the materialistic nature of reading the text of the Italian thinker, which allowed the Althusser himself to describe Machiavelli as a discoverer directly materialistic understanding of the political sphere. In turn, the text of the article also produces a comparative analysis of alternative approaches to the interpretation of Machiavellist policies, which, despite qualitative differences, have intersection points.

Keywords: Machiavelli, Althusser, materialism, aleatory materialism, political philosophy, conjuncture.

* Ребров Сергей Александрович, младший научный сотрудник, сектор социологии власти и гражданского общества, Социологический институт ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург); naruto639@mail.ru

Постоянный интерес к Никколо Макиавелли, который являлся, по выражению Лео Штрауса, фактическим создателем современной парадигмы в истории политической философии, в настоящее время переживает очередной всплеск. Многочисленность различных интерпретаций, базирующихся на отдельных аспектах мысли Макиавелли, демонстрирует широкую востребованность его идей на самых неожиданных участках современной философской рефлексии. В частности, одним из наиболее известных подходов к интерпретации политической философии итальянского мыслителя последних десятилетий стал подход французского философа Луи Альтюссера, в творчестве которого сам Макиавелли занимал основополагающие позиции.

Несмотря на то непростое обстоятельство, что сам философ при жизни крайне редко публично высказывался об итальянском мыслителе, многие посмертные издания его многочисленных рукописей позволили по-новому взглянуть на роль Макиавелли во всем интеллектуальном творчестве Альтюссера. Непосредственно материалистический характер мысли Макиавелли, который в рамках альтюссерянского подхода являлся основанием для интерпретации его текстов в духе традиции случайного материализма (фр. *matérialisme aléatoire*), в настоящее время остается одной из наиболее востребованных тем в структуре современного политического знания [14, р. 3]. Учитывая тот факт, что большая часть жизни Альтюссера была неразрывно связана с Высшей нормальной школой (ВНШ) и деятельностью университетского преподавателя, существенное количество его прижизненных текстов, имеющих прямую связь с политической философией Макиавелли, относилось к лекционным курсам (1962 и в 1972 годов соответственно). Единственной печатной работой Альтюссера о Макиавелли, опубликованной при жизни, стал текст лекции «Одиночество Макиавелли», прочитанной в 1977 году во Французской ассоциации политической науки [10, р. XI–XII].

Так или иначе, согласно Альтюссеру, макиавеллистская революция в истории политической философии заключалась отнюдь не в основании политологической дисциплины, претендующей на наиболее объективное описание политической реальности, но в описании общих принципов конъюнктурного мышления, способствующего достижению поставленных задач при помощи наиболее эффективных средств внутри каждой конкретной политической конъюнктуры. По этой причине сам итальянский мыслитель и отказывался от поиска наилучшей формы государственного устройства, который непосредственно за пределами конкретной конъюнктуры просто лишался всякого смысла. Целью самого Макиавелли не являлось создание универсальной политической теории, охватывающей все возможные периоды человеческой истории. Его основная цель заключалась в создании конкретной политической стратегии закрепления нового соотношения конфликтующих сторон посредством фигуры нового государя, способного к учету всех возможных последствий внутри своей же собственной конъюнктуры, исход которой оставался непредсказуемым. С этой точки зрения одним из главных антиподов Макиавелли являлся Гегель, политическая философия которого целиком и полностью базировалась на абсолютных диалектических законах, подчиняющих себе весь ход единой человеческой истории [10, р. 9–10].

Стоит особо отметить, что помимо отдельных текстов, целиком посвященных идеям Макиавелли, Альтюссер писал о данном мыслителе в тех работах, что были посвящены общим проблемам материализма, к которому сам итальянский автор, следуя альтюссерской интерпретации, имел прямое отношение. В частности, создавая новую традицию материализма столкновения, французский философ отнес Макиавелли к числу первооткрывателей непосредственно материалистического видения политического процесса, избавленного от телеологических установок поиска идеального государственного устройства [11, p. 172]. Материалистический характер макиавеллистской политики в этом случае относился к характеристикам каждой конкретной конъюнктуры, состоящей из замкнутого пространства противостояния антагонистических сил. В этом смысле конечный исход столкновения враждующих акторов определяется исключительно возможностями их адаптации к изменчивому состоянию самой конъюнктуры, которая, в противоположность всемирному историческому процессу, не подчинялась детерминирующей логике универсальных законов.

За счет философского сближения мысли Макиавелли с идеями античных атомистов (Эпикур, Демокрит, Лукреций) Альтюссер противопоставлял непосредственно материалистическое понимание политического тем традициям в истории политической философии, которые полностью строились на телеологическом мышлении и были связаны с возможностью построения максимально рационализованного общества, основанного на прозрачных механизмах человеческих взаимоотношений. Однако, несмотря на то обстоятельство, что сам Альтюссер традиционно считал именно Гегеля ключевым теоретиком исторического телеологизма, многие современные исследователи оспаривают данный тезис. В частности, как указывает современный политический теоретик Пьер Розанваллон, подлинным антиподом Макиавелли являлся вовсе не Гегель, но Адам Смит, создавший рыночную утопию саморегулирующегося общества, избавленного от любых возможных форм политического антагонизма [5, с. 84].

Так или иначе, сквозь призму эпикурейского столкновения атомов в пустоте, создающих новые формы мироздания, Альтюссер рассматривал макиавеллистскую политику в качестве логики разрыва с устоявшейся системой иерархий, которая отныне существовала исключительно посредством успешной адаптации к изменяющемуся процессу идеологического воспроизводства. Понятие «конъюнктуры» в этом смысле становилось центральной категорией политической философии Макиавелли, которое имело существенные отличия от аналогичного понятия «структуры», характерного для более раннего периода творчества Альтюссера. В данном контексте непосредственно конъюнктура обозначалась как временное закрепление определенных элементов, столкнувшихся друг с другом в процессе распада предыдущей системы [13, p. 141].

Продолжая линию материалистической критики гегелевского проекта универсальной истории, начатую еще в период 1960-х годов, Альтюссер противопоставлял конъюнктурное понимание политического процесса, основанное на логике текущего момента, идее выразительной совокупности (фр. *totalité expressive*), которая, следуя логике Гегеля, основывалась на процессе движения абсолютного духа. По этой причине макиавеллистский характер политической философии Альтюссера изначально исходил из отрицания гегельянского по-

нимания исторического процесса как телеологического движения абсолютного духа,двигающегося сквозь барьеры совокупных противоречий.

В процессе создания понятия сверхдетерминации (фр. *surdétermination*), которое фактически послужило отправной точкой для всего альтюссеррианского проекта новой политической философии, Альтюссер также особым образом опирался на мысль знаменитого флорентийца [1, с. 136]. Политическая практика открытого вмешательства в структурный экономический процесс, базирующийся на конкретных политических и экономических механизмах воспроизводства, отныне рассматривалась французским философом по аналогии с революционным разрывом, не имеющим как прямой первопричины, так и однозначных последствий [16, р. 340].

Традиционные экономические интерпретации политического процесса, базировавшиеся на понимании структуры товарного производства как сущности любого государственного и социального устройства, согласно данному ходу мысли, неизбежно сталкивались с историцистской проблематикой, предполагающей наличие центрального субъекта всего исторического процесса. Однако в противовес подобным системам подлинно политическим статусом в традиции случайного материализма наделялась исключительно конкретная конъюнктура, внутри которой и происходит столкновение акторов с целью реализации их собственных целей и задач. Отказ от универсалистского понимания истории и политики, претендующего на техническое описание антагонистических отношений, также позволил Альтюссеру отойти от марксистского экономикоцентризма, характерного как для самого Маркса, так и для абсолютного большинства его последующих сторонников и интерпретаторов. Учитывая, что фактическим создателем экономикоцентричной парадигмы, прочно закрепившейся среди многочисленных теоретиков неизбежного отмирания государства в XIX веке, являлся именно А. Смит, подлинный смысл альтюссеровского прочтения Макиавелли заключался в политико-философском отбрасывании рыночных утопий подобного рода. Так, с точки зрения П. Розанваллона, именно Смит являлся историческим антиподом знаменитого флорентийского мыслителя и на уровне методологии, и на уровне политической практики, что лишь подчеркивает оригинальность вклада Альтюссера в тему философской интерпретации макиавеллистской политики [5, с. 84].

В схожем ключе данный аспект макиавеллистской политики использовался и в совершенно ином контексте истории политической философии XX века, который, помимо существенных различий с альтюссеррианской школой, тем не менее имел ряд существенно-схожих с ней черт. Опуская непосредственно вопрос политических предпочтений немецкого юриста Карла Шмитта, стоит отметить, что именно шмиттеанская традиция интерпретации понятия политического существенным образом пересекалась с подходом Л. Альтюссера, несмотря на полностью параллельный характер развития учений данных мыслителей. Как справедливо указывал Л. Штраус, именно Макиавелли фактически осуществил разрыв с классической политической философией, основанной на идее всеобщего блага, что, в свою очередь, породило огромное количество макиавеллистских авторов, которые наследовали идеям флорентийского мыслителя, не ссылаясь напрямую на его сочинения [18, р. 294]. Исходя

из данного принципа, необходимость постановки политической проблемы, которая просто в силу своего политического характера неизбежно будет способствовать зарождению антагонистических отношений между коллективными акторами конкретной конъюнктуры, обосновывалась Шмитом посредством методологического децизионизма, согласно которому все существующие законодательные и нормативные представления являются последствиями того или иного политического решения со стороны суверенной власти [9, с. 321].

Возникновение новых материалистических онтологий во второй половине XX века, связанное с долгим процессом критики предшествующей традиции понимания материи как универсального объяснительного принципа (будь то производственные отношения или сама логика единого исторического процесса), коснулось абсолютного большинства направлений континентальной философии. С этой точки зрения случайный материализм Л. Альтюссера также изначально исходил из критической позиции по отношению к материализму диалектическому, который, следуя подходу французского философа, сохранял базовые основания гегелевского абсолютного идеализма. Вопреки марксистскому пониманию средств производства как универсальной сущности любого политического режима, альтюссеровский материализм отрицал саму возможность существования универсального объяснительного принципа как такового. В этом смысле ни бог, ни экономика, ни даже сама материя не могли отныне рассматриваться в качестве первопричины существующей реальности [2, с. 42]. Непосредственно материалистическим ответом на вопрос об отсутствии центрального механизма объяснения структуры любого политического или экономического процесса становится аргумент о том, что каждый конкретный вопрос должен иметь конкретный ответ, содержание которого не должно изначально зависеть от положений той или иной исторической тотальности. Исходя из данного тезиса, именно антитеоцентризм как отрицание любого универсального объяснения сущности того или иного явления послужил основанием для размежевания нового типа материализма, включающего в себя, помимо Альтюссера, таких современных философов, как С. Жижек, А. Бадью и К. Мейясу, с предшествующей традицией диалектического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса.

Учитывая тот факт, что именно Макиавелли, согласно Альтюссеру, являлся первооткрывателем материалистического понимания сферы политического, его конъюнктурное мышление касалось далеко не только критики универсалистского понимания исторического процесса, но и непосредственно отрицания самой по себе идеи универсального политического субъекта, способного к учреждению новой системы иерархий. Отрицая необходимость трансцендентного порядка вещей, служащего первоосновой для любой политической практики нового государя, итальянский философ сосредотачивался исключительно на проблематике собственной конъюнктуры, связанной с абстрактной фигурой основателя единого государства на Апеннинском полуострове [4, с. 351]. Опуская тот факт, что сам Макиавелли в данном контексте явно имел в виду именно личность, обладающую опытом и знаниями всей тогдашней ситуации, альтюссеровская трактовка феномена нового государя заключалась в рассмотрении непосредственно непредвиденных обстоятельств как основания

для зарождения новой политики, реализуемой в отсутствии универсального субъекта. То есть пустующее место внутри каждой конкретной конъюнктуры теоретически могут занять различные коллективные ассамбляжи разрозненных политических практик, ставящие перед собой определенную цель. С этой точки зрения так называемый новый государь становится одновременно и разрушителем старой системы политического представительства, и создателем новой иерархии классового господства, что, используя терминологию К. Шмитта, можно обозначить как возникновение новой учредительной власти [8, p. 265–266].

Продолжая данную мысль, следует заметить, что решающим вопросом в контексте данного философского вопроса, несомненно, становится вопрос о качественных характеристиках того политического субъекта, который обладал бы всеми возможными качествами для совершения обозначенной политики конъюнктурного разрыва. Одним из наиболее известных направлений в данном вопросе выступает спинозистская линия постмарксистской политической теории, связанная в первую очередь с именами таких мыслителей, как Антонио Негри, Майкл Хардт и Паоло Вирно. Несмотря на существенные различия в подходах вышеуказанных авторов, базовым понятием для них выступает «множество» (лат. *multitude*), которое, с их точки зрения, и является ключевым политическим субъектом эпохи постфордизма [3, с. 48]. Учитывая то обстоятельство, что само множество как итоговый концепт целиком и полностью строится как практике ускользания от определяющих линий описания классических типов социальных общностей, его наиболее отличительной чертой является связь различных сингулярностей, соединенных общей целью низвержения существующего порядка власти капитала. По этой причине конкретно Хардт и Негри, опираясь в том числе на сочинения Н. Макиавелли, выступают философскими сторонниками новой материалистической телеологии, связанной с сопротивлением множества глобальному имперскому порядку [7, с. 73].

В контексте столкновения различных интерпретаций макиавеллистской политики среди постмарксистских мыслителей стоит заметить, что подход Альтюссера в действительности имеет ряд сходств с точкой зрения Хардта и Негри. В частности, в работе «Одиночество Макиавелли» французский философ затрагивает вопрос о сущности нового государя как возможного восстания многих индивидуальных и коллективных акторов, связанных между собой при помощи общих целей, что действительно можно интерпретировать как политику множества [10, p. 120]. Вместе с этим неотъемлемой чертой материалистической интерпретации понятия политического, согласно Альтюссеру, выступает отрицание универсалистских амбиций любой политической философии, стремящейся обнаружить центральный объяснительный принцип политической вражды как таковой. С этой точки зрения сам по себе вопрос о существовании универсального революционного субъекта, который обладал бы всеми возможными качествами для осуществления скачка внутри разрыва любой конъюнктуры, напроць лишен всякого смысла.

Касаюсь традиционного взгляда на творчество Н. Макиавелли, стоит отметить, что сам французский философ имел двойственную позицию в отношении

сторонников данной точки зрения. Традиционный взгляд на Макиавелли как на основателя политической науки по образцу естественнонаучных моделей Нового времени не устраивал Альтюссера по причине конъюнктурного характера его учения [см., например: 6, с. 42]. В отличие от Платона или Аристотеля, политическая философия которых целиком строилась на целевой детерминированности каждого конкретного события (вроде платоновской великой цепи бытия), учение Макиавелли изначально создавалось как философия разрыва и случая, базовое основание которой лежало в исключительной ситуации конкретного момента [17, 141–142]. Другими словами, непосредственно материалистический характер интерпретации Альтюссера заключался также особым образом в антиуниверсалистском прочтении работ знаменитого флорентийца, которое изначально строилось на теории политической практики конкретной итальянской конъюнктуры начала XVI века. Стоит отметить, что данный аспект мысли французского философа, конечно же, не означал полного отказа от каких-либо обобщающих теоретических построений в принципе. Несмотря на радикальные различия многочисленных конъюнктур, существующих, помимо всего прочего, на различных участках социальной структуры того или иного общества, единые принципы столкновения друзей и врагов, появляющиеся в исключительных ситуациях конкретного момента, остаются базовым основанием сферы политического.

В контексте развертывания современных материалистических онтологий, которые в настоящее время объединяют сторонников самых различных направлений континентальной философии, случайный материализм Л. Альтюссера остается уникальной системой концептов, что не в последнюю очередь связано с идеями Макиавелли. То обстоятельство, что большинство теоретиков нового материализма, основанного на необходимости преодоления приоритетного положения человека в отношении остальных объектов окружающей действительности, как правило, не интересуется вопросами политической теории как чистого воплощения антропоцентризма, непосредственно макиавеллистский аспект альтюссеровского материализма остается одним из наиболее уникальных проектов внутри современного философского знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтюссер Л. За Маркса. — М.: Праксис, 2006.
2. Ветушинский А. С. Во имя материи: Критические и метафизические исследования. — Пермь: Гиле Пресс, 2018.
3. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. — М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.
4. Макиавелли Н. Избранные сочинения. — М.: Художественная литература, 1982.
5. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.
6. Фрайер Х. Макьявелли. — СПб.: Владимир Даль, 2011.
7. Хардт М., Негри А. Империя. — М.: Праксис, 2004.
8. Шмитт К. Диктатура. — М.: РИПОЛ классик, 2020.

9. Шмитт К. Понятие политического. — СПб.: «Наука», 2016.
10. Althusser L. Machiavelli and Us. — London; New York: Verso, 1999.
11. Althusser L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. — London; New York: Verso, 2014.
12. Althusser L. Philosophy of the Encounter. Later Writings, 1978–87. — London; New York: Verso, 2006.
13. Althusser L. What Is To Be Done? — Cambridge: Polity Press, 2020.
14. Lahtinen M. Politics and Philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism. — Boston, Brill, 2009.
15. Morfino V. The Spinoza-Machiavelli Encounter. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019.
16. Pippa S. Void for a Subject: Althusser's Machiavelli and the Concept of «Political Interpellation» // Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society. — 2015. — № 31 (3).
17. Sotiris P. A Philosophy for Communism: Rethinking Althusser. — Leiden; Boston: Brill, 2020.
18. Strauss L. Thoughts on Machiavelli. — Glencoe, Illinois: The Free Press, 1958.